

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИУДАИКИ»

Филологический факультет

Э.Ю. Щербаков

**Передача топики пророческих книг в русском
переводе поэмы Х.-Н. Бялика «Сказание о
погроме» Вл. Жаботинского**

Выпускная квалификационная работа

Научный руководитель –
М. Г. Вольфсон

Санкт-Петербург

2014

Содержание

Введение.....	3
1. Исторический аспект создания «Сказания о погроме».....	6
1.1 Место поэмы в творчестве поэта.....	6
1.2 Место поэмы в творчестве переводчика.....	10
1.3 Кишинёвский погром и его влияние на автора.....	13
2. Передача топики пророческих книг в русском переводе поэмы	
Х.-Н. Бялика «Сказание о погроме» Вл. Жаботинского	15
2.1 Литературная топка	15
2.2 Топика пророческих книг.....	18
2.3 Топика пророческих книг в «Сказании о погроме» в переводе	
Владимира Жаботинского	21
Заключение	30
Список использованной литературы.....	31

Введение

Хаим Нахман Бялик – признанный классик современной израильской литературы. Он был способен «органически соединять европейские тематические и стилистические новации, с одной стороны, и душевное состояние современного еврейства, с другой, и выражать его с беспрецедентным языковым и музыкальным богатством»¹. Творчество поэта переводилось на русский язык многими знаменитыми литературными деятелями. В их числе В.Е. Жаботинский, В.И. Иванов, В.Ф. Ходасевич, Л.Б. Яффе, С.С. Дубнова, С.Я. Маршак и другие. Несмотря на это, переводы его произведений на русский язык в настоящее время практически забыты за пределами еврейского и профессионального филологического сообществ, и новых публикаций о его творчестве практически нет в отечественной науке.

Наиболее известными современными исследователями творчества Бялика являются преподаватель Тель-Авивского университета и педагогического колледжа «Семинар ха-кибуцим» профессор Зива Шамир; автор статьи «Бялик и образ нового еврея: ещё один взгляд на поэму «Сказание о погроме»²; глава кафедры ивритской литературы в университете им. Бен-Гуриона в Беер-Шеве Хамуталь Бар-Йосеф, автор книги «Х.Н. Бялик: французский декаданс и русский символизм в творчестве еврейского поэта»³; профессор Еврейского университета в

---

¹ Бар-Йосеф Х. Очерк истории современной литературы на иврите // Антология ивритской литературы. Еврейская литература XIX - XX веков в русских переводах — М.: Изд-во РГГУ, 2000. — С. 5.

² Шамир З. Бялик и образ нового еврея: ещё один взгляд на поэму «Сказание о погроме» // Слово писателя. — 2002. — №3. — С.8-10.

³ Х. Бар-Йосеф Хаим Нахман Бялик: европейский декаданс и русский

Иерусалиме, литературовед и переводчик, Зоя Леонтьевна Копельман⁴ и преподаватель Белорусского государственного университета Галина Вениаминовна Синило.

Топика пророческих книг у Бялика рассматривается Г.В.Синило всего лишь в одной статье «Поэт-пророк»⁵, но небольшой объем статьи не позволил провести подробный анализ этой топики и тема все еще остается актуальной. Кроме того, говоря о «Сказании о погроме», Г.В. Синило в своём исследовании рассматривает перевод, выполненный Л. Беринским с варианта поэмы на идише, а мы в своём исследовании используем перевод с иврита Владимира Жаботинского. Причины, побудившие нас обратиться к этому переводу, следующие: это авторизированный перевод, первый вариант поэмы написан именно на иврите, это был первый опубликованный перевод поэмы на русский язык (опубликован в 1911 году)⁶. Также «Сказание о погроме» перевел с иврита писатель Лев Ленчик, но он сделал это намного позже, в 1976 году.

Предметом нашего исследования служит топика пророческих книг в произведении Х.Н. Бялика «Сказание о погроме» авторизированном переводе В.Е. Жаботинского. Выбор этого перевода, кроме вышеуказанных причин, обусловлен тем, что именно он сделал Бялика известным поэтом для русскоязычных читателей.

символизм в творчестве еврейского поэта / Пер. Е. Тартаковская. Иерусалим – Москва: Гешарим – Мосты культуры, 2013. — 405 с.

⁴ Копельман З.Л. посвятила Бялику одну из аудиолекций цикла «Российские евреи — ивритские писатели». <http://www-r.openu.ac.il/radio/rus-sofer3.html> Дата обращения 15.04.2013.

⁵ Синило Г.В. Танах и мировая поэзия. — Минск: Экономпресс, 2009. — С. 95-135.

⁶ Бялик Х.Н. Песни и поэмы / Авториз. пер. с евр. и введ. Вл. Жаботинского. СПб.: тип. Акц. общ. типографск. дела, 1911. — 206 с.

Цель исследования: выявить и изучить общие места в поэме «Сказание о погроме» и в Книгах Пророков.

Для достижения цели нашего исследования мы предполагаем выполнить следующие задачи:

- изучить понятие «топики» в литературе;
- осветить мотивы и исторический контекст создания произведения;
- изучить историю перевода текста поэмы и его влияние на русскую литературу;
- изучить специфику библейской топики;
- проанализировать средства, используемые Х. Н. Бяликом и В. Жаботинским для передачи топики пророческих книг.

Всё это позволит сделать вывод о влиянии пророческих книг на творчество Бялика.

1. Исторический аспект создания «Сказания о погроме»

1.1. Место поэмы «Сказание о погроме» в творчестве Х.Н. Бялика

Родился Бялик в 1873 году в Российской империи, на хуторе Рады Волынской губернии (сейчас эта территория входит в состав Житомирской области на Украине) в бедной еврейской семье. В 1878 году отец поэта Ицхак-Йосеф лишился службы и переехал вместе с семьей в Житомир, где открыл маленькую корчму. Житомир был тогда одним из центров еврейской культуры, и будущий поэт получил возможность учиться в хедере⁷. Но в 1880 году Ицхак-Йосеф умер, и мать отдала Бялика на воспитание его деду Якову-Мойше Бялику, который был толкователем Талмуда. В доме деда Бялику была доступна религиозная литература. Когда ему исполнилось 13 лет, он продолжил изучение священных книг в бет-мидраше⁸, где также познакомился с каббалой и с Хаскалой⁹, несмотря на то, что книги сторонников просвещения (маскилим) были под запретом в бет-мидраше. Таким образом, весь корпус библейских текстов был знаком Бялику, в том числе и Книги Пророков, что впоследствии нашло своё отражение в его творчестве.

В дальнейшем Бялик пробовал учиться в знаменитой Воложинской иешиве¹⁰, но потом стал учиться сам, так как светские предметы там не

---

⁷ Хедер – начальная еврейская религиозная школа для мальчиков.

⁸ Бет-мидраш – место изучения Торы и в особенности Мишны, Талмуда и послеталмудической раввинистической литературы

⁹ Хаскала – еврейское просветительское движение.

¹⁰ Религиозное высшее учебное заведение.

преподавали. Будущий поэт начал самостоятельное изучение русского языка и современной еврейской литературы, попав под влияние идеолога «духовного сионизма» Ахад-ха-Ама¹¹. Г.В. Синоло пишет: «Согласно Ахад-га-Аму, каждый индивидуум воспринимает себя как член двух общностей — своей нации и всего человечества. Однако восприятие своей принадлежности ко всему человечеству базируется только на рациональном, умозрительном, в то время как ощущение своей принадлежности к нации всегда глубоко эмоционально, базируется на интуитивном. Так как каждый человек движим «волей к жизни», он стремится сохранить и жизнь нации, к которой принадлежит. Более того, по мнению Ахад-га-Ама, индивидууму должно быть свойственно сознание большей значимости бытия нации в сравнении с его личным бытием, ибо существование индивидуума возникает и прекращается, а нация продолжает существовать. Таким образом, каждый человек — временная частичка постоянно существующего организма»¹², объясняя причину укрепления национального самосознания поэта. К этому периоду жизни относятся его первые литературные произведения. Дебютом в печати стало стихотворение «К ласточке», опубликованное в 1892 году в Одессе, где Бялик прожил меньше года. Позже из-за смерти деда в 1893 году он вернулся в Житомир, вскоре женился и немного позже переехал в Польшу, где жил до возвращения в Одессу в 1900 году. Первый сборник стихов поэта увидел свет в 1902 году. Признание быстро пришло к Бялику.

Он занялся активной литературной деятельностью: участвовал в создании издательства «Мория», занимался редактурой, публиковал собственные стихи.

---

¹¹ Ахад-ха-Ам – настоящее имя Ашер Хирш Гинзцберг.

¹² Синоло Г.В. Танах и мировая поэзия. — Минск: Экономпресс, 2009 — С. 136-177.

В 1903 году поэт был послан Одесским общественным комитетом в Кишинев для сбора документальных материалов о произошедшем там погроме. Находясь под сильнейшим впечатлением от увиденного Бялик написал поэму «Бе-ир ха-харега»¹³ (что дословно можно перевести как «В городе резни»), а в своем переводе В. Жаботинский дает поэме заглавие «Сказание о погроме». Именно это произведение сделало Бялика самым популярным еврейским поэтом того времени.

В 1908 году вышло полное собрание поэзии Бялика. В 1908-1909 годах поэт в соавторстве с И. Равницким выпустил «Сефер ха-агада» — «Антологию легенд, рассказов, притч и изречений, извлеченных из Талмуда и Мидраша, заново отредактированных, частично переведенных на иврит с арамейского подлинника и снабженных комментариями и пояснениями»¹⁴.

Несмотря на то, что основным языком творчества Бялика был иврит, он уделял внимание и идишу: написал на нем несколько стихотворений и переводил с идиша на иврит народные песни, а также делал авторизованный перевод некоторых своих поэтических произведений с иврита на идиш. В 1906 году вышел сборник на идише: «Фун цаар ун цорн» («О печали и гневе»). Также Бялик перевел несколько классических произведений мировой литературы на иврит: «Дон Кихота» М.Сервантеса, «Вильгельма Телля» Ф. Шиллера, пьесу С.Ан-ского «Меж двух миров («Дибук»»).

В 1911 году вышел сборник «Стихи и поэмы» Бялика в русском переводе В. Жаботинского.

В 1907 и 1913 годах Бялик участвует в Сионистских конгрессах, а в 1909 году посещает Эрец-Исраэль. В 1921 году Бялик покидает Советский

---

¹³ בְּעִיר הַהֲרָגָה в оригинале.

¹⁴ КЕЭ, том 1, кол. 578–584.

Союз и, прожив четыре года в Берлине, переезжает в Тель-Авив, где продолжает свою литературную деятельность.

4 июля 1934 года Бялик умер и был похоронен в Тель-Авиве, где множество людей пришло проводить его в последний путь.

Автором одного из некрологов стал В.Ф. Ходасевич (поэты не были знакомы лично, но Ходасевич был хорошо знаком со стихами Бялика, так как переводил его). Ходасевич писал: «Зачатки новоеврейской поэзии наметились в начале восемнадцатого века; через сто лет получили дальнейшее развитие в Германии, а затем, еще через пятьдесят лет, в России, где образовалась целая поэтическая школа, в которой Бялик не был зачинателем, но в которой, по своему дарованию, занял он самое видное и почетное место»¹⁵.

---

¹⁵ Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений в 4 томах. Т.2 — М.: Согласие, 1996. — С. 303-307.

1.2. Место поэмы «Сказание о погроме» в творчестве переводчика Владимира Жаботинского

Родился Владимир Евгеньевич (Вольф Евнович) Жаботинский в Российской империи, в Одессе 18 октября 1880 года в ассимилированной еврейской семье. Учился в русской гимназии, но не закончил ее. С 1896 года начал публиковаться в газете «Одесский листок» и был направлен ею в Швейцарию, а затем в Италию в качестве корреспондента, также публиковался в «Одесских новостях». В Италии Жаботинский получил высшее образование в Римском университете на кафедре права. В это же время он написал драмы «Ладно» и «Кровь», впоследствии поставленные Одесским городским театром, и поэму «Бедная Шарлотта»¹⁶.

Еврейское национальное самосознание Жаботинского, как и у Бялика, проснулось после многочисленных еврейских погромов 1903-1905 годов. Став сторонником сионизма, Жаботинский вступает в ряды еврейской самообороны и изучает иврит, а также участвует в Шестом Сионистском конгрессе (Базель, 23–28 августа 1903 года), председателем которого был основатель сионизма Теодор Герцль. В 1904 году Жаботинский перевел с иврита на русский язык поэму Бялика «Сказание о погроме», а позднее и ряд других стихов поэта, которые были изданы в Петербурге в 1911 году¹⁷, и впоследствии неоднократно переиздавались. Это авторизированные переводы: Бялик лично принимал участие в их создании. Впоследствии Жаботинский пишет об этом: «После возвращения из Константинополя я окончил перевод стихов Бялика. Были мы тогда соседями по даче, около Одессы, и он помогал мне в переводе —

---

¹⁶ КЕЭ, том 2, кол. 483–489.

¹⁷ Бялик Х.Н. Песни и поэмы / Авториз. пер. с евр. и введ. Вл. Жаботинского. СПб.: тип. Акц. общ. типографск. дела, 1911. — 206 с.

объяснял места оригинала, которые мне не удавалось понять».¹⁸ «Сказание о погроме» было злободневным произведением, что сразу же привлекло внимание и к его автору. Возможно, именно эта поэма, упрекающая еврейский народ в бездействии, и послужила для переводчика — Жаботинского толчком к активной публичной деятельности.

В 1905 году Жаботинский переезжает в Петербург, где принимает деятельное участие в еврейской общественной жизни: создании «Союза для достижения равноправия еврейского народа в России», становится членом редакций журналов «Еврейская жизнь» и «Рассвет», также был одним из составителей «Гельсингфорской программы», принятой на 3-й Всероссийской конференции сионистов в Гельсингфорсе (шведское название города Хельсинки). В 1908 он работал в Константинополе и посетил Палестину. После начала Первой мировой войны Жаботинский покинул Турцию и совместно с И.Трумфельдором, и при поддержке П.Рутенберга, М.Гросмана и Х.Вейцмана в 1917 году создал Еврейский легион в составе британской армии, для реализации сионистских целей. Эти события легли в основу книги «Слово о полку», написанной им в 1928 году. Впоследствии легион был распущен.

С 1920 года Жаботинский часто меняет место жительства: Иерусалим, Париж, Лондон. В 1921 году он был избран в правление Всемирной сионистской организации, но вскоре его взгляды перестали совпадать с большинством ее членов: он делал ставку не только на дипломатические, но и на силовые методы, как, например, в статье «О железной стене» 1924 года. Вместе со своими сторонниками организовал

---

¹⁸ Жаботинский В. Е. Повесть моих дней. [Пер. с иврита Н. Бартман] — Иерусалим: Библиотека-Алия, 1985 — 33 с.

партию «Союз сионистов-ревизионистов» (апрель 1925 года, Париж) и молодежное движение «Бетар»¹⁹ (1924 год, Рига).

Все это время Жаботинский не прекращает литературную работу и неустанно пишет фельетоны, повести, политические статьи, переводит на иврит классиков европейской и американской литературы. В 1927 году был издан исторический роман «Самсон-назорей», а в 1936 году — автобиографический роман «Пятеро».

После начала Второй мировой войны, в феврале 1940 года Жаботинский поехал в США для того, чтобы создать там еврейскую армию, подобную Еврейскому легиону, для борьбы с нацистами, но 4 августа того же года умер от разрыва сердца.

Несмотря на то, что Жаботинский был убежденным сионистом и сторонником гебраизации еврейских школ, он немало писал на русском языке, переводил на него, обогащая тем самым русскоязычную литературу.

---

¹⁹Бетар — аббревиатура от בְּרִית יוֹסֵף טְרֻמְפֶּלְדֹר, Брит Йосеф Трумпельдор — «Союз имени Иосифа Трумпельдора»

1.3. Кишинёвский погром и его влияние на автора

Еврейские погромы в Российской империи не были редкостью. Первый из известных погромов в Российской империи произошел в Одессе в 1821 году. В дальнейшем именно на территории Украины произошло большинство погромов, например, погром в Киеве 1881 года, в ходе которого было разграблено более тысячи еврейских магазинов и квартир, убито несколько евреев.

Причиной погромов, очевидно, были нестабильная политическая ситуация в стране, подстрекательство в газетах, экономическая конкуренция со стороны евреев. Характерной чертой погромов в России можно назвать попустительство или преступную медлительность властей: помощь не приходила вовремя, более того, иногда в погромах принимали участие солдаты.

Эдвард Джадж, автор одного из наиболее детальных исследований Кишинёвского погрома считает, что корни русского антисемитизма восходят к конфликту между господствующей религией — христианством и иудаизмом, который не приемлет ассимиляции и чужих религиозных ценностей.²⁰

Кишинёвский погром, произошедший во время христианской Пасхи 6-7 апреля 1903 года, стал первым погромом на территории Бессарабии, где прежде не было ни погромов, ни кровавых наветов на евреев.

Поводом для погрома послужило исчезновение в близлежащем городке Дубоссары христианского мальчика-подростка, который впоследствии был обнаружен мертвым. Ежедневная газета «Бессарабец», основателем и главой которой был черносотенец П.А. Крушеван, опубликовала обсуждение возможной ритуальной подоплёки убийства со стороны евреев. Распространялись слухи об убийстве, евреях, даже

---

²⁰ Джадж Э. Пасха в Кишиневе. Анатомия погрома. — Кишинев: Лига, 1998. — С. 14.

печатались листовки с обвинениями в адрес евреев. Ненависть по отношению к еврейскому населению стала почти всеобщей. Убийства, насилие, избиения, грабежи происходили с беспрецедентной жестокостью. Данные относительно количества погибших и раненых варьируются до сих пор. Например, «Краткая еврейская энциклопедия» приводит следующие цифры: 49 убитых и 586 раненых и около 1500 разрушенных домов²¹, из коих евреев около 90%. Э. Джадж, ссылаясь на главного врача Кишинёвской еврейской больницы, пишет о 51 убитом и 487 раненых.²² У Солженицына же приводятся разные цифры из разных источников, вплоть до «было убито свыше 1000 человек и многие десятки тысяч были ранены и искалечены»²³, что наглядно иллюстрирует трудности с подсчетом числа жертв.

Кишинёвский погром взволновал мировую общественность. В России, Америке и Европе проводились митинги, сбор средств для пострадавших, причем участвовали в этих мероприятиях не только евреи. Отзвуки этого страшного события появились и в литературе: поэма «Сказание о погроме» Х.Н. Бялика, очерк «Дом №13» В.Г. Короленко, стихотворение «Сатана свои крылья простер, Сатана...» В.И. Иванова, серия графических листов на тему еврейских погромов художника И. Б. Рыбака.

Несмотря на то, что Кишинёвский погром не был ни первым, ни последним в Российской империи, именно он стал событием, о котором Жаботинский сказал: «исходная точка целой эпохи нашей жизни, в качестве народа»²⁴.

---

²¹ КЕЭ, том 6, кол. 562–576.

²² Джадж Э. Пасха в Кишиневе. Анатомия погрома. — Кишинев: Лига, 1998. — С. 85.

²³ Солженицын А. И. В дореволюционной России // 200 лет вместе, том 1. — М.: Русский путь, 2001. — С.372.

²⁴ Жаботинский В. Е. Повесть моих дней. [Пер. с иврита Н. Бартман] — Иерусалим: Библиотека-Алия, 1985 — 33 с.

2. Передача топики пророческих книг в русском переводе поэмы Х.-Н. Бялика «Сказание о погроме» Вл. Жаботинского.

2.1. Литературная топка

Литературное творчество, вне всякого сомнения, претерпевает множество изменений с течением истории. Однако, несмотря на эволюцию литературы, некоторые ее элементы остаются практически неизменными. А.М. Панченко в «О топике культуры» пишет следующее: «Культура располагает запасом устойчивых форм, которые актуальны на всем ее протяжении. ... Но один и тот же сюжет в разных эстетических системах обретает специфический культурный смысл»²⁵. Именно эти статичные формы зачастую и называют топикой (от др.-гр. *topos* — место, пространство).

Понятие «топос» было впервые введено Протагором и получило развитие в работах Аристотеля: в логическом трактате «Топика»²⁶, входящем в Органон и в сочинении «Риторика»²⁷. Аристотель считал, что необходимо «найти способ, при помощи которого мы в состоянии будем из правдоподобного делать заключение о всякой предлагаемой проблеме, и не впадать в противоречие, когда мы сами отстаиваем какое-либо

---

²⁵ Панченко А.М. Русская история и культура: Работы разных лет. — СПб.: Юна, 1999. С. 233.

²⁶ Аристотель. Сочинения в четырех томах. М.: Мысль, 1978. Т.2. С. 348-531.

²⁷ Античные риторика. Под ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 23-24, 111-119.

положение»²⁸. Он предложил использовать топы («общие места» или же «диалектические места») для построения аргументов. Впоследствии «Топика» Аристотеля послужила основой для одноимённого философско-риторического сочинения знаменитейшего оратора Античности Марка Туллия Цицерона. Оно представляет собой обобщение и пояснение к труду Аристотеля, с примерами из области римского права, посвященное другу Цицерона — Гаю Требатию Тесте.

В 1948 году Э. Курциус в своей знаменитой работе «Европейская литература и латинское Средневековье»²⁹ впервые перенес категорию «общее место» из риторики в литературоведение, положив начало исследованию топосов в литературе.

А.Е. Махов в своей статье «Веселовский — Курциус. Историческая поэтика — историческая риторика»³⁰ сравнивает «Историческую поэтику» А.Н. Веселовского с «Понятием исторической топики» Э. Курциуса. Он полагает, что «за внешним сходством «формул метода» стоит сходство сущностное, — что предпринятому А. Веселовским опыту построения исторической поэтики (в противовес нормативной классической поэтике) в работах Э. Р. Курциуса соответствует опыт исторического развертывания классической нормативной риторики, и прежде всего топики как ее раздела»³¹. Веселовский и Курциус, как отмечает Махов, «взяв за отправной пункт некоторые схемы и сами названия старых нормативных теорий, стремятся выстроить их заново, на историческом фундаменте и индуктивным методом»³².

---

²⁸ Аристотель. Сочинения в четырех томах. М.: Мысль, 1978. Т.2. С. 349.

²⁹ Оригинальное название на немецком языке: «Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter»

³⁰ Махов А.Е. Веселовский — Курциус. // Вопросы литературы. 2010. № 3. С. 182-202.

³¹ Там же. С. 182.

³² Там же. С. 183.

Хаззаггеров Г.Г., сравнивая топос с другими схожими понятиями — концептом, архетипом, мотивом и фреймом, делает акцент на том, что топос — это коммуникативная, а не когнитивная категория. И, в отличие от фрейма, она континуальна, т.е. может быть развита при помощи других топосов.

Он замечает, что «когда речь идет об анализе уже написанного текста, топики невольно сливаются с тематикой».

Поэтому, как отмечает Хаззаггеров, «В длинном ряде историко-литературных работ топос совершенно не отличим от мотива, концепта, а зачастую и от образа, иногда даже от обозначения места в буквальном смысле слова по аналогии с хронотопом Бахтина»³³.

Топосы являются необходимым элементом речемыслительной деятельности человека и частью языковой моды и идеологии.³⁴

Объединяя всё вышесказанное, мы можем рассматривать топику как элемент интертекстуальности. «Он [топос] выступает как «текст в тексте», обладая при этом двумя основными способностями: во-первых, хранить культурные коды, являясь единицей памяти культуры. Во-вторых, обладая признаками текста, топос имеет способность к смыслопорождению, то есть продуцированию новых образов и созданию собственной культурной традиции»³⁵.

Исследование топики позволяет по-новому взглянуть на художественный текст, помогая извлечь из него дополнительный смысл.

---

³³ Хаззаггеров Г.Г. Топос vs. концепт: к изучению топосферы культуры // Известия ЮФУ. Филологические науки 2008. №3. С. 9.

³⁴ Хаззаггеров Г.Г. Топос vs. концепт: к изучению топосферы культуры // Известия ЮФУ. Филологические науки 2008. №3. С. 6-26.

³⁵ Булгакова А.А. Топика в литературном процессе – Гродно: ГрГУ, 2008. – С.53.

2.2. Топика пророческих книг

Текст ТаНаХа, являясь священным текстом двух мировых религий: иудаизма и христианства (в качестве Ветхого Завета), оказал существеннейшее влияние на всю последующую литературу, в том числе и на священную книгу мусульман — Коран. Он был переведен полностью или частично более чем на две тысячи языков. Он не только положил начало религиозной литературе, но и снабдил писателей множеством сюжетов, прецедентных феноменов. Разумеется, необходимо помнить, что древнееврейское словесное искусство не возникло само по себе, а является преемником более древних культур: египетской, аккадской, шумерской, ханаанской. Но, тем не менее, в ТаНаХе немало сугубо еврейских черт.

Пророческие книги представляют собой отдельный жанр, впервые появившийся именно в ТаНаХе. Их канон был оформлен в персидскую эпоху, то есть до 323г. до н.э.³⁶

Библейские пророки — это не просто провидцы, предсказатели будущего, но и общественно-политические и религиозные деятели.

Шмуэль Айзенштадт, описывая стиль книг пророков³⁷, пишет, что стиль пророческих книг не изобилует риторическими украшениями и в целом ясен и логичен. Во всех текстах пророческих книг наблюдается схожий стиль — язык публичных выступлений, имеющий явные параллели у других семитских народов. Речь пророков эмоциональна,

---

³⁶ КЕЭ, том 6, кол. 826–828.

³⁷ Айзенштадт, Ш. Пророки. Их эпоха и социальное учение / Пер. с английского Т. Гвоздюкевич. — М.: Параллели, 2004. — 248 с.

образна и поэтична. Так как это обращение к народным массам, то она богата сравнениями, примерами, поучениями и притчами.

Нередко используются параллелизмы: «пророческая идея выражена в двух как бы параллельных вариантах, дополняющих друг друга образно и тематически», «речи пророков состоят из коротких предложений, каждое из которых распадается на два крыла единой композиции»³⁸. Использование параллелизмов обусловлено необходимостью пророка сделать свою речь более разнообразной и красочной и более понятной для аудитории³⁹. Иногда целью служило воздействие на умы слушателей: для подчеркивания важных мыслей, чтобы подчеркнуть их важность для публики.

Некоторая же неясность речей пророков для современных библеистов и филологов обычно объясняется исторической удаленностью эпохи и редакторскими вставками переписчиков и цензоров.

В зависимости от аудитории, перед которой говорит пророк, меняется и стилистическая окраска его речи. Также в книгах Пророков встречаются исторические хроники, выдержанные в повествовательном стиле.⁴⁰

Г.В. Синило отмечает также упорядоченность и ритм речи пророков, их индивидуальный стиль и глубокую внутреннюю мотивацию.⁴¹

---

³⁸ Там же. С 34.

³⁹ Примером может послужить известный отрывок из Книги пророка Исаяи (11:6-8). Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. 7. И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому. 8. И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи. Цит. по Синодальному переводу.

⁴⁰ Айзенштадт, Ш. Пророки. Их эпоха и социальное учение / Пер. с английского Т. Гвоздюкевич. — М.: Параллели, 2004. С.49-62.

⁴¹ Синило Г.В. Танах и мировая поэзия. — Минск: Экономпресс, 2009. —С. 95-135.

Меир Вайс, изучая метод целостной интерпретации библейских текстов, выделяет следующие элементы: слова, фразы, образы, предложения и порядок слов в них, а также структуру произведения как объекты для анализа и последующего истолкования библейского текста⁴².

Влияние канонических книг на русскую литературу проиллюстрировал Растягаев А.В., однако, он исследовал житийную топику, которая, разумеется сильно отличается от пророческой.⁴³

Широко известны три разных стихотворения «Пророк»: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова. Их также можно рассматривать в литературной традиции пророческих книг.

Таким образом, изучение топики пророческих книг в художественном произведении требует анализа текста и сравнения средств выразительности автора со стилем пророков и сопоставления его с конкретными местами канонического текста.

---

⁴² Вайс М. Библия и современное литературоведение: Метод целостной интерпретации / [Пер. с англ. Т. Б. Менской] . — М.; Иерусалим: Гешарим: Мосты культуры, 2001. — 445 с.

⁴³ Растягаев А. В. - Житийная топики в прозе писателей XVIII столетия (Кантемир, Тредиаковский, Фонвизин). — Самара: Книга. — 2009.—292 с.

2.3. Топика пророческих книг в «Сказании о погроме» в переводе Владимира Жаботинского

Поэма Бялика «Сказание о погроме» начинается со слов:

*«...Встань, и пройди по городу резни,
И тронь своей рукой, и закрепи во взорах
Присохший на стволах и камнях и заборах
Остылый мозг и кровь комками; то - они.»*[173]⁴⁴

Поэт приглашает читателя осмотреть картину, представшую перед его глазами во время поездки в Кишинёв. Топика пророческих книг прослеживается с самой первой строки, где использовано выражение «Встань и иди», неоднократно использованное в ТаНаХе и в пророческих книгах, например, у пророка Ионы (Ио 1:2)⁴⁵. Как правило, оно используется в обращении Бога к пророкам и другим избранным. Г.В. Синило отмечает эту формулу как «преодоление себя самого, собственной внутренней инерции». Проиллюстрировать это утверждение можно знаменитыми строками из стихотворения «Пророк» русского поэта А.С. Пушкина:

*«И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,*

⁴⁴ Ввиду того, что впервые на русском языке поэма вышла в 1911 году и была напечатана в соответствии с дореволюционной орфографией, здесь и далее для большего удобства текст поэмы цитируется по изданию: Бялик Х.Н. Стихи и поэмы. — Иерусалим: Библиотека-Алия.— 1994. — С.173-181. С указанием номера страницы в квадратных скобках после цитаты.

⁴⁵ «*קום לך*» так выглядит в оригинале, предлог «и» является добавлением переводчика.

*И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».*

Этими же строками в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова поясняется значение слова «восстать», как «воспрянуть, встать, подняться (с какой-н. целью; поэт)»⁴⁶, что подтверждает данное утверждение. Следует также отметить большое количество императивов, характерное для ораторской речи.

Наиболее ярко проявляется у Бялика функция пророка как общественного деятеля. Частью миссии пророков было исправление общества. Пророки беспощадно обличали идолопоклонство, нравственное падение, угнетение слабых и бедных и другие пороки общества. В «Сказании о погроме» поэт, конечно же, резко осуждает совершенное преступление, он подчеркивает бесчеловечность участников погрома:

*«Сюда, где с воем их настигла **стая волчья**»[174]*

И далее:

*«И загляни ты в погреб ледяной,
Где весь **табун**, во тьме сырого свода,
Позорил жен из твоего народа -
По семеро, по семеро с одной.
Над дочерью свершалось семь насилий,
И рядом мать хрипела под **скотом**»⁴⁷[175]*

---

⁴⁶ Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. — М.: Аделант, 2012. С.72.

⁴⁷ Здесь и далее выделение моё.

В этом же отрывке можно наблюдать пример параллелизма. Как уже было сказано выше Ш. Айзенштадтом, этот прием поэтической речи состоит из двух коротких частей, в данном случае это: «По семеро с одной» и «Над дочерью свершалось семь насилий», которые образно и тематически дополняют друг-друга. Троекратное повторение числа семь — эмфаза, иллюстрирующая предельное возмущение автора. Далее поэт с помощью того же литературного приёма показывает, что те, кто сумел избежать позора от рук губителей, на самом деле опозорены не меньше:

*«среди мерзости свиной,
В грязи клоак с отбросами сидели,
Гнездились в каждой яме, в каждой щели -
По семеро, по семеро в одной...»[176]*

Или ещё один пример параллелизма:

*«И ищет он покоя - нет покою;
И хочет он рыдать - не стало чем,
И хочет взвыть он бешено - и нем»[177]*

Еврейский народ, по мнению поэта, в своем животном страхе тоже лишился человеческого облика:

*«Рассыпались, бежали, словно **мыши**,
Попрятались, подобные **клопам**,
И околели **псами**...»[176]*

*«Да разве есть у праха, у обломка,
У мусора, у падали вины?»[178]*

*«А завтра выйди к ним: осколки человека
Разбили лагеря у входа к богачам,»[180]*

Здесь не сами погромщики, а жертвы погрома подвергаются беспощадной критике со стороны поэта. Трусость еврейского народа, неспособность защитить себя и своих близких, его малодушие противны Бялику:

*«И спорили враги, делясь, о теле,
Как делят хлеб, — и крикнуть не посмели,
И не сошли с ума, не поседели
И глаз себе не выкололи вон
И за себя молили Адоная!»[175]*

Поэт корит за страх и эгоизм, которые присущи его современникам-евреям. Он пытается пробудить в них память о том, что так было не всегда, ведь они *«потомки тех, чей прадед был Иегуда, Лев Маккавей»[176]*.

Когда поэт видит раболопное покорство, укор сменяется злостью и презрением к людям, способным малодушно забыть совершённые против них преступления:

*«И, как разносчик свой выкрикивает хлам,
Так голоса они: "Смотрите, я — калека!
Мне разрубили лоб! Мне руку до кости!"
И жадно их глаза - глаза рабов побитых -
Устремлены туда, на руки этих сытых,
И молят: "Мать мою убили - заплати!"»*

Как и пророки прошлого, Бялик осознает тяжесть политической ситуации, ведь народ, не имеющий своей земли, своего государства, другие народы не будут считать равными себе.

*«Сын Адама,
Не плачь, не плачь, не крой руками век,
Заскрежещи зубами, человек,
И сгинь от срама!»[176]*

Выражение «Сын Адама» (ивр. אָדָם־בֶּן), дословный перевод «сын человеческий», неоднократно встречается в ТаНаХе. Например, в книге пророка Иезекииля именно так Всевышний обращается к нему. Это обращение используется в тексте пятьдесят шесть раз и встречается в большинстве глав книги ⁴⁸.

Фразеологизм «скрежет зубов» отсылает к известному месту в Евангелие от Матфея (2:8), а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов⁴⁹. В этом стихе и в других (Матф. 13:42,50; 22:13; 24:51; 25:30) Иисус предрекает грешникам мучения в аду. Однако философ и богослов митрополит Антоний (Храповицкий) в статье «О загробной жизни и вечных мучениях» придерживается следующей точки зрения: «Итак, «плач и скрежет зубов» обозначает не просто страдание, но злобу и страдание от бессильной злобы, от невозможности излить ее на ненавистное им Царство Божие. Вот, значит, в чем будут состоять загробные муки».⁵⁰ В контексте поэмы лучше всего

⁴⁸ Например, Иезекииль 2:1, 3:1, 4:1, 5:1, 6:2, 7:2.

⁴⁹ Здесь и далее библейские тексты цит. по Синодальному переводу, т.к. именно он оказал наибольшее влияние на русскую литературу.

⁵⁰ Антоний /Храповицкий/ архиеп. О загробной жизни и вечных мучениях // Вера и разум. 1915. № 12. С.805-812.

подходит значение бессильной злобы, что можно подтвердить следующим фрагментом поэмы:

*«И стань во тьме, и с горем тихо слейся,
Уйди в него, и досыта напейся
И на всю жизнь им душу наводни,
Чтоб, дальше - в дни, когда душе уныло
И гаснет мощь - чтоб это горе было
Твоей последней помощью в те дни,
Источником живительного яда, -
Чтоб за тобою злым кошмаром ада
Оно ползло, ползло, вселяя дрожь;
И понесешь в края земного шара»[177]*

Упадок духа еврейского народа также не обделён вниманием поэта:

*«Уйди. Ты вечером вернись в их синагогу:
День скорби кончился - и клонит понемногу
Дремота. Молятся губами кое-как»[180]*

И нет среди евреев лидера, каковыми были библейские пророки, способного вдохновить подавленных людей. Поэт обличает уныние, утрату веры в Бога:

*«А, проповедь с амвона⁵¹!
Ползет она, скрипит, бесцветно, монотонно,
И мажет притчами по гною свежих ран,*

---

⁵¹ Следует отметить, что амвоном называется возвышение для чтения Священного писания в христианских храмах, в то время как в синагогах аналогичное возвышение называется бимой (במה на иврите).

*И не услышится в ней Божиего слова,
И в душах не родит ни проблеска живого.
И паства слушает, зевая стар и млад,
Качая головой под рокот слов унылых:
Печать конца на лбу, в пустынном сердце чад,
Сок вытек, дух увял, и Божий взор забыл их...»[180]*

В кульминационном моменте произведения поэт как истинный пророк вещает от имени Всевышнего:

*«И стань, и воцарю молчанье над тобой.
И сердце будет ныть от срама и страданий —
Но слез тебе не дам. И будет зреть в гортани
Звериный рев быка, влекомого к костру, —
Но я твой стон в груди твоей запру...»[178]*

В монологе всемогущего Бога ясно звучит его стыд за свой народ. Он упрекает евреев в том, что их незащитность сродни самоубийству, которое в иудаизме считается тяжким грехом.

*«Зачем, во имя чье вы пали? Смерть без смысла,
Как жизнь - как ваша жизнь без смысла прожита...
Где ж Мудрость вышняя, божественный Мой Разум?
Зарылся в облаках от горя и стыда...
Я тоже по ночам невидимо сюда
Схожу, и вижу их Моим всезрящим глазом,
Но - бытием Моим клянусь тебе Я сам —
Без слез. Огромна скорбь, но и огромен срам,
И что огромнее — ответь, сын человеческий!*

*Иль лучше промолчи... Молчи! Без слов и речи
Им о стыде Моем свидетелем ты будь»⁵²
 И, возвратясь домой в твое родное племя,
 Снеси к ним Мой позор и **им** обрушь на темя.»[178]*

В этом отрывке использовано обращение Бога к поэту «сын человеческий», как и к ветхозаветным пророкам, Всевышний возлагает на поэта пророческую миссию: донести до народа призыв к духовному росту, к восстанию против существующей действительности:

*«Не оскверни, как **те**, водой рыданий
 Святую боль святых твоих страданий,
 Но береги нетронутой ее.
 Лелей ее, храни дорожке клада
 И замок ей построй в твоей груди,
 Построй оплот из ненависти ада -
 И не давай ей пищи, кроме яда
 Твоих обид и ран твоих, и жди.
 И вырастет взлелеянное семя,
 И жгучий даст и полный яду плод —
 И в грозный день, когда свершится время,
 Сорви его - и брось его в народ!»[180]*

Вновь напрашивается аналогия с пушкинским «Глаголом жги сердца людей», однако, тем временем народ еще не оправился от потрясения:

*«Ожгла их больно плеть -
 Но с болью свыклись, и сжились с позором,*

---

⁵² Здесь и далее выделено автором.

Чресчур несчастные, чтоб их громить укором,
Чресчур погибшие, чтоб их еще жалеть».[180],

Пока поэту не остается ничего иного, кроме как скорбеть и ждать своего часа.

Заключение

В данной работе был проведен анализ произведения Хаима Нахмана Бялика «Сказание о погроме» в переводе Владимира Жаботинского и его сравнение с книгами пророков с целью выявления общей топики.

Для достижения этой цели были изучены мотивы автора, его биография и влияние, история создания оригинала и перевода, понятие «топики», изучение специфики пророческих книг. В результате был сделан следующий вывод: Библия и все ее составные части оказали огромное влияние на почти всю последующую европейскую литературу.

В частности, в рассмотренном произведении Бялика обнаружены места, так или иначе ссылающиеся на писания Пророков, использующие схожие стилистические средства. Поэма «Сказание о погроме» призывает встать на защиту своего народа, следовать завету Бога, не поддаваться животному страху. Произведение представляет собой проповедь для народа, переживающего не лучшие времена.

Принимая во внимание настроения еврейства того времени, а именно, возрастающую популярность сионизма и ожидание скорых перемен, можно предположить, что именно книги Пророков были наиболее близки сердцам авторов и читателей того времени за счёт своей внутренней силы и воли к борьбе.

Изучение связей современной ивритоязычной литературы со Священным Писанием представляет немалый интерес для гебраистики.

Данное исследование демонстрирует возможность более глубокого изучения смысловой нагрузки текста при использовании литературной топики, что может оказаться полезным для филологов любых направлений.

Список использованной литературы

1. Аверинцев С.С. Собрание сочинений/ Под ред. Н.И. Аверинцевой и К.Б. Сигова. Переводы: Евангелия. Книга Иова. Псалмы. Пер. с древнегреч. и древнеевр. — К.: Дух і Літера, 2004. — 500 с.
2. Аверинцев С.С. Хаим-Нахман Бялик и его русские перелагатели // Иностранная литература. 1990. №4. С. 138-139.
3. Айзенштадт, Ш. Пророки. Их эпоха и социальное учение / Пер. с английского Т. Гвоздюкевич. — М.: Параллели, 2004. — 248 с.
4. Антология ивритской литературы: Еврейская литература XIX-XX веков в русских переводах / Составители Х. Бар-Йосеф, З. Копельман. М., 1999. — 632 с.
5. Аристотель Риторика. //Античные риторики. Под ред. А. А. Тахо-Годи. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 15-167.
6. Аристотель. Тописка// Сочинения в четырех томах. М.: Мысль, 1978. Т.2. С. 348-531.
7. Бар-Йосеф Х. Софиология в поэзии Бялика // Диалог. Т. 1. № 7-8 — 2005/06. Электронный ресурс. URL: http://almanah-dialog.ru/archive/archive_7-8_1/lz1-2 (дата обращения 15.04.2013).
8. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе). М.: Тривола.— 2000.—248 с.
9. Булгакова А.А. Тописка в литературном процессе. Гродно: ГрГУ, 2008 — 107 с.
10. Бялик Хаим Нахман. Стихи и поэмы. — Иерусалим: Библиотека-Алия. — 1994. — 287 с.
11. Бялик Х.Н. Песни и поэмы / Авториз. пер. с евр. и введ. Вл. Жаботинского. СПб.: тип. Акц. общ. типографск. дела, 1911. — 206 с.
12. Вайс М. Библия и современное литературоведение: Метод целостной интерпретации / [Пер. с англ. Т. Б. Менской]. — М.; Иерусалим: Гешарим: Мосты культуры, 2001. — 445 с.

13. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. — М.: Высшая школа, 1989 — 404 с.
14. Горшков А.И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика. М.: АСТ, Астрель, 2006. — 368 с.
15. Демченков С.А., Гриднева Л.Н. Поэтика ветхозаветного пророчества как литературоведческая проблема // Филологический ежегодник / Под ред. Н. Н. Мисюрова. Омск: Омский государственный университет, 1999. — Вып. 2. — С. 41-44.
16. Джадж Э. Пасха в Кишиневе. Анатомия погрома. — Кишинев: Лига, 1998, — 206 с.
17. Жаботинский В. Е. Повесть моих дней. [Пер. с иврита Н. Бартман] — Иерусалим: Библиотека-Алия, 1985 — 33 с.
18. Лотман Ю. М. Происхождение сюжета в типологическом освещении // Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1973. С. 224-243.
19. Махов А.Е. Веселовский — Курциус. // Вопросы литературы. 2010. №3. С. 182-202.
20. Панченко А.М. О топике культуры // Русская история и культура: Работы разных лет. — СПб.: Юна, 1999. С. 231-244.
21. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. — М.: Лабиринт, 2006 — 128 с.
22. Растягаев А. В. - Житийная топика в прозе писателей XVIII столетия (Кантемир, Тредиаковский, Фонвизин). — Самара: Книга. — 2009.—292 с.
23. Синило Г.В. Древние литературы Ближнего Востока и мир ТаНаХа (Ветхого Завета). — Минск: Экономпресс, 1998 — 471 с.
24. Синило Г.В. Танах и мировая поэзия. — Минск: Экономпресс, 2009 — 879 с.
25. Солженицын А. И. В дореволюционной России // 200 лет вместе. Т. 1. — М.: Русский путь, 2001. 372 с.

26. Тименчик Р., Копельман З. Вячеслав Иванов и поэзия Х.-Н. Бялика // Новое литературное обозрение. 1995. №14. С. 102–115.
27. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. — М.: Аспект Пресс, 1996 — 334 с.
28. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Образ. Символ. — М.: Прогресс, Культура, 1995 — 624 с.
29. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. — М.: Аделант, 2012. 72 с.
30. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. — М.: Лабиринт, 1997 — 448 с.
31. Хазаггеров Г.Г. Топос vs. концепт: к изучению топосферы культуры // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2008. №3. — С. 6-26.
32. Хазаггеров Г.Г., Лобанов И.Б. Риторика. — Ростов н/Д.: Феникс, 2008 — 384 с.
33. Ходасевич В. Собрание сочинений в 4 томах. Т.2 — М.: Согласие, 1996.
34. Цицерон. Тописка. // Эстетика. Трактаты. Речи. Письма. — М.: Искусство, 1994. С. 56-81.
35. Шамир З. Бялик и образ нового еврея: ещё один взгляд на поэму «Сказание о погроме». // Слово писателя. 2002. — №3.— С.8-10. Электронный ресурс. URL: <http://amkob113.narod.ru/slovo/3/sl-009.html> (дата обращения – 01.04. 2013).
36. Электронная еврейская энциклопедия <http://www.eleven.co.il>